

Кривошеев Алексей Викторович

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ПРОЕКТЕ. М. БАХТИНА: ЭКСПЛИКАЦИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО СМЫСЛА

Анализируется философия поступка М. М. Бахтина. Опираясь на работу "К философии поступка" рассматривается проблема поиска Бахтиным необходимого основания (долженствования поступка) для своего проекта "первой философии" в мирах науки и эстетики. Показано, что эти миры проникнуты "роковым теоретизмом" и отличаются друг от друга только по своему предмету, но не по методу, не по способу мышления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 98-101. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101; 111; 165

Анализируется философия поступка М. М. Бахтина. Опираясь на работу «К философии поступка» рассматривается проблема поиска Бахтиным необходимого основания (долженствования поступка) для своего проекта «первой философии» в мирах науки и эстетики. Показано, что эти миры проникнуты «роковым теоретизмом» и отличаются друг от друга только по своему предмету, но не по методу, не по способу мышления.

Ключевые слова и фразы: поступок; долженствование; понимание; наука; теоретическое познание; эстетика; эстетическое познание.

Алексей Викторович Кривошеев, к. филос. н.
Кафедра истории философии и логики
Томский государственный университет
akriv@rambler.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ПРОЕКТЕ М. М. БАХТИНА: ЭКСПЛИКАЦИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО СМЫСЛА[©]

Эпоха арестов по обвинению в «контрреволюционной деятельности» и участия в «антисоветских организациях», эпоха ссылок в Кустанай и публикаций под чужими именами закончилась. И сегодня Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975) - это выдающийся русский учёный, философ, филолог, лингвист, теоретик искусства и культуры. Фигура известная любому образованному человеку как у нас в стране, так и за рубежом. Фигура знаковая. И, может быть, уже даже риторическая.

Известный бахтинский проект «первой философии» и посвящённый ему трактат «К философии поступка» вместе, пожалуй, наиболее загадочное явление во всём творческом наследии мыслителя. Именно эта небольшая отрывочная рукопись содержит тезисную и конспективную характеристику *обширного сугубо философского замысла*, некой «первой философии», мыслимой Бахтиным в качестве самобытной авторской *онтологии поступка*, ключевой категорией которой является *долженствование* (абсолютная онтологическая необходимость поступка). Другими словами, в этой рукописи молодой Бахтин ставит перед собой цель в лучших традициях Мартина Хайдеггера: прежде всего другого очертить контуры некой *фундаментальной онтологии*, закладывающей основы и саму возможность дальнейшего философствования. Именно здесь, в этой небольшой отрывочной работе, скрываются философские истоки, смысловые, методологические и герменевтические корни целого ряда ведущих идей, развивавшихся далее на протяжении более чем полувека деятельности отечественного мыслителя.

В данной статье, опираясь, прежде всего на ключевую философскую работу Бахтина «К философии поступка» мы затронем лишь один аспект многогранного бахтинского гения, а именно проблему поиска М. М. Бахтиным необходимого основания (т.е. долженствования поступка) для своего философского проекта в мирах науки и эстетики.

В целом наука понимается Бахтиным как некоторый отвлечённо-теоретический, автономный и самозаконный мир, в котором, наравне с другими мирами, тоже разворачивается единое бытие человека. Проходя через этот мир, единое и единственное событие бытия человека или его поступок раскалывается, разъединяется и принимает форму общезначимого теоретического суждения, для которого становится совершенно безразличной индивидуально-историческая сторона единого и целостного поступка, а также специфика его личностного понимания. Утратив цельность и целостность в теоретическом мире, превратившись в отвлечённо понимаемое (*не-понимаемое?*) теоретическое же суждение, пусть даже формально истинное, поступок утрачивает своё *долженствование*. Бахтин пишет: «Единственное исторически реальное бытие больше и тяжелее единого бытия теоретической науки, но эту разницу в весе, очевидную для живого переживающего сознания, нельзя определить в теоретических категориях» [1, с. 16].

По мнению Бахтина, проблема отвлечённо-теоретического самозаконного мира науки заключается в том, что суждения этого мира (даже если они будут безусловно истинными с формально-логической точки зрения) меня, живого, бытийствующего событиями и в событиях собственной жизни, *поступающего человека*, в действительности *ни к чему не обязывают*, поскольку фактически остаются мне неизвестными в своей глубине, мною не понятыми, а, значит, не могут являться и основанием моего бытия, основанием человеческого бытия вообще и основанием «первой философии» в частности. Разъединив содержательно-смысловую сторону поступка и действительно-исторический акт его понимания-осуществления, мы лишь путём некоего спекулятивного скачка можем задать человеческому поступку необходимому ему *долженствование*, что по меткому выражению Бахтина - «то же самое, что поднять самого себя за волосы» [Там же, с. 15]. Более того, здесь возникает ещё одна существенная проблема, - оторванным от действительно-исторического акта понимания-осуществления смысловым содержанием единого и единственного бытия-события овладевает имманентная ему законность, по которой поступок в своей теоретической ипостаси начинает развиваться уже самопроизвольно, как бы автоматически и бесконтрольно, и никто уже толком не знает к чему это может привести. Всё

это во многом напоминает М. М. Бахтину развитие мира современной техники, именно с этим миром Бахтин проводит аналогию: «Подобно миру техники, который знает свой имманентный закон, которому и подчиняется в своём безудержном развитии, несмотря на то что уже давно уклонился от осмысливания его культурной цели и может служить ко злу, а не к добру, так по своему внутреннему закону совершенствуются орудия, становясь страшной, губящей и разрушающей силой из первоначального средства разумной защиты. Страшно всё техническое, оторванное от единственного единства и отданное на волю имманентному закону своего развития, оно может время от времени врываться в это единственное единство жизни как безответственно страшная и разрушающая сила» [Там же, с. 15-16]. До той поры, пока самозаконный теоретический мир, чуждый живой историчности, не пересекает своих границ, его самозаконность и автономия оправданы. Оправданы, по мнению Бахтина, и дисциплины («логика», «теория познания», «психология познания» и др.), пытающиеся отвлечённо-познавательным образом раскрыть структуру этого мира, его правила и принципы. Но стоит только отвлечённо-теоретическому миру «забыться» и распространить свою самозаконность за пределы самого себя, набросить *свою* теоретико-категориальную сеть на *другой* мир действительно-исторически свершающегося единого и единственного бытия-события, неминуема утрата обеими живой целостности и цельности, крах и того и другого. Вот что пишет по этому поводу в трактате «К философии поступка» сам Бахтин: «В мир построений теоретического сознания в отвлечении от ответственно-индивидуального исторического акта я не могу включить себя действительного и свою жизнь как момент его, что необходимо, если это - весь мир, всё бытие (в принципе, в задании, всё, т.е. систематически, причём сама система теоретического бытия, конечно, может оставаться открытой). Мы оказались бы там определёнными, предопределёнными, прошлыми и завершёнными, существенно не живущими, мы отбросили бы себя из жизни, как ответственного рискованного открытого становления-поступка, в индифферентное, принципиально готовое и завершённое теоретическое бытие (не завершённое и заданное лишь в процессе познания, но заданное именно как данное). Ясно, что это можно сделать лишь при условии отвлечения от абсолютно произвольного (ответственно-произвольного), абсолютного нового, творимого, предстоящего в поступке, т.е. от того именно, чем жив поступок» [Там же, с. 17].

В мир конструкторов теоретического сознания, который создаётся принципиальным отвлечением от ответственно-индивидуального исторического акта, человек не может включить самого себя в своей личностной понимаемой действительности, и всю свою действительно-историческую жизнь как момент её. В этом мире невозможно *жить*, поступать ответственно, «в нём я не нужен, в нём меня принципиально нет» [Там же]. Отвлечённо-теоретический мир развивается и живёт по таким законам, как если бы меня не было, но удивительнейший парадокс заключается как раз в том, что *я всё же есть*.

Чем глубже мы погружаемся в глубины бахтинских смыслов, тем сильнее и очевиднее проявляется для нас факт того, что, по сути, Михаил Михайлович Бахтин методично, упорно, целеустремлённо и с каким-то пронизывающим духовным напряжением ищет *путь* к миру «единого и единственного бытия-события», предчувствованному (предполагаемому!) им в самом начале трактата. К миру того самого человеческого *поступка*, который объёмлет и единит все планы и стороны бытия человека, а, значит, может выступить и в качестве искомого основания фундаментальной онтологии или первой философии как философии «единого и единственного бытия-события». Вместе с Бахтиным мы вынуждены сделать неутешительный вывод: все попытки изнутри отвлечённо-теоретического самозаконного мира средствами теоретического познания пробиться в действительный живой мир вечно свершающегося *поступка* и, скажем так, онтологически закрепить в нём (пусть даже только хотя бы в сугубо методолого-герменевтическом смысле, понимая онтологию как фундамент любой философии, в том числе и философии *поступка*), следует считать безнадежными, поскольку, как пишет Бахтин, «...нельзя разомкнуть теоретически познанный мир изнутри самого познания до действительного единственного мира» [Там же, с. 20]. Получается, что *научного* долженствования действительно *нет*. Но ведь кроме научного долженствования, есть ещё, как минимум, долженствование *эстетическое*. Как быть с ним? Можно ли положиться на эстетику в деле построения первой философии? Попробуем вместе с М. М. Бахтиным ответить на этот вопрос.

Бахтин пишет: «Характерной чертой современной философии жизни, пытающейся включить теоретический мир в единство становящейся жизни, является некоторая эстетизация жизни, несколько затухивающая слишком очевидную несообразность чистого теоретизма (включение большого теоретического мира в малый теоретический же мирок)» [Там же]. Следует иметь в виду, что речь в данном случае идёт не столько о концепциях философии жизни (сам Бахтин подразумевает здесь философию жизни А. Бергсона) и присущим им недостаткам, сколько о связи мира чистого теоретизма (уже рассмотренный отвлечённо-теоретический самозаконный мир) и некоторого пока ещё неясного «мира эстетического бытия», назовём его так. Философию жизни М. М. Бахтин использует в качестве своеобразной теоретической модели для демонстрации тезисов-положений собственного проекта, собственной философии. Итак, возможно ли пробиться в тот самый действительный, живой мир вечно свершающегося «единого и единственного бытия-события» (поступка) из мира эстетического бытия средствами, скажем так, «эстетического познания»? Прежде всего, следует внести ясность в понимание данного термина. Эстетическим познанием (в противовес рассмотренному выше теоретическому познанию), следуя мысли Бахтина, мы можем назвать связку *созерцание - вживание*, раскрывающуюся как эстетическое видение предмета *как бы изнутри* (так или иначе в его существе), но при этом оставаясь ему *снаружи*. Будучи ограничены рамками статьи, отметим только следующее: *продукт эстетического созерцания точно также отвлечён от самого действительного, действительного и живого акта эстетического созерцания и не принципиален для него*, как оторвана содержательно-смысловая сторона теоретического суждения от действительно-исторического акта его осуществления. Поэтому для эстетического созерцания «единое

и единственное бытие-событие» остаётся точно таким же неуловимым и не понимаемым, как и для теоретического (то есть рассудочного, анализирующего и синтезирующего) познания.

Мир эстетического бытия, получаемый нами средствами эстетического познания в результате принципиального отчуждения от *меня* - действительно-исторического, живого, единого и единственного, *своими* поступками пишущего *свою* «прозу жизни» субъекта эстетического видения - на самом деле совсем не есть тот мир, в котором я живу, хотя его содержательная сторона в той или иной степени, несомненно, вложена в меня как субъекта. Но между субъектом эстетического видения и его действительно-исторической «прозой жизни» (то есть, именно *мной*), или, как пишет М. М. Бахтин, между «предметом эстетического видения и субъектом-носителем акта этого видения» [Там же, с. 21] как и в рассудочном, (анализирующем и синтезирующем) познании сохраняется такая же принципиальная разобщённость. Иначе говоря: «...изнутри этого видения нельзя выйти в жизнь... Этому нисколько не противоречит то, что содержанием эстетического созерцания можно сделать себя и свою жизнь, самый акт-поступок этого видения не проникает в содержание, эстетическое видение не превращается в исповедь, а, став таковой, перестает быть эстетическим видением», - отмечает Бахтин [Там же].

Все вышеописанные замечания М. М. Бахтин справедливо относит и к такому моменту эстетического познания как *вживание*. За эстетическим вживанием, по мысли Бахтина, в сознании всегда следует момент объективации, в котором можно выделить следующие стадии:

- положение сознанием некоего нечто (или некто, если речь идёт об индивидуальности), понятого вживанием, вне себя, отчуждение его от себя;
- последующий возврат сознания в само себя;
- из себя самого, со своего субъектно-единственного индивидуально-исторического места вернувшееся в себя сознание уже эстетически оформляет изнутри схваченное нечто (некто) как единое, целостное, качественно своеобразное, индивидуальное. Бахтин в работе «Эстетика словесного творчества» отмечает, что подобное эстетическое оформление любого индивидуально-исторического опыта, обращаясь таким образом уже в *содержание* произведения искусства, нисходит на предмет как своеобразная «эстетическая благодать», «милование», «милюющее оправдание помимо недостигнутого смысла» [2, с. 112], этически обусловленных оценок и всего прочего.

И все эти моменты эстетического вживания: единство, целостность, своеобразие, как пишет Бахтин, «транскредитны самой определяемой индивидуальности, изнутри её самой для неё в её жизни этих моментов нет, она не живёт ими для себя, они имеют смысл и осуществляются вживающимся уже вне её, оформляя и объективируя слепую материю вживания...» [1, с. 21].

Таким образом, анализируемое Бахтиным эстетическое вживание (как составляющее эстетического познания) принципиально не может дать нам понимания единого и единственного бытия в его событийности (не раскрывает «тайну поступка»). Но даёт нам лишь некоторое вариативное видение внеположного субъекту бытия, причём это видение бытия опять-таки вообще ни к чему нас не обязывает. Отметим сразу, что речь здесь не идёт о чистом или полном вживании субъекта во внеположенное ему бытие, в результате которого абсолютно утрачивается индивидуально-историческое «я» вживающегося. Такое вживание вообще невозможно, и говорить, следовательно, о нём бессмысленно. Речь идёт об упомянутом выше объективирующем вживании.

После всего сказанного выше мы, вместе с М. М. Бахтиным, вынуждены констатировать факт того, что эстетическое вживание далеко не есть ещё постижение должествующей единой единственности события бытия, не есть понимание и раскрытие тайны *поступка*, на которой зиждется тайна бытия человека человеком. Как сказал бы Бахтин, пусть я насквозь вижу и вжилась в некое нечто, пусть я знаю и себя тоже, но этого недостаточно. Я обязан ещё постичь и правду нашего *взаимоотношения*, единого и единственного события связующего нас, в котором мы оба неминуемо и с абсолютным долженствованием - *участники*! А правда эта заключается в том, что и сам субъект, и объект его эстетического познания должны быть до всего другого *уже* онтолого-герменевтически укоренены в каком-то единстве бытия, равно их объемлющем, в котором и протекает (и вообще становится возможным) акт эстетического познания. Но само это загадочное объединяющее единство бытия не может быть бытием эстетическим (как часть целого не может быть самим целым) и пробиться к нему средствами эстетического познания, опять же оказывается невозможным, как невозможно поднять самого себя за волосы.

Эстетическое событие, конечно, существует, это не химера, не плод больного воображения и не спекуляция. В эстетическом бытии даже можно жить. И живут. Но, как пишет Бахтин, «...живут другие, а не я - это любовно созерцаемая прошлая жизнь других людей, и всё вне меня находящееся соотнесено с ними, себя я не найду в ней, но лишь своего двойника-самозванца, я могу лишь играть в нём роль, то есть облекать в плоть-маску другого-умершего» [Там же, с. 24]. Хотя эстетическое бытие явно и ощутимо ближе к действительно-историческому единству единого события бытия, чем отвлечённо-теоретический самозаконный мир (мир построенный теоретического сознания), и именно потому в человеческой жизни так велик соблазн эстетизма и эстетизации бытия, которые несколько затуманивают слишком для нас несообразность чистого научного теоретизма. Всё же средства эстетического познания (связка созерцание - вживание) тоже не обеспечивают искомого и необходимого единства и взаимопроникновения смыслового содержания (продукта) поступка и действительно-исторического, обладающего абсолютным долженствованием его свершения (акта). Не обеспечивают вследствие принципиального отчуждения (отвлечения) субъекта эстетического познания в процессе эстетического познания от самого себя как живого, единственного, никем и ничем незаменимого участника абсолютно должествующего (и в этом смысле личностно однозначно понимаемого) события бытия. Бахтин пишет по этому поводу так: «Понять предмет - значит понять *моё*

*долженствование по отношению к нему (мою должную установку) <курсив наш. - А. К.>, понять его в его отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность» [Там же]. В мире эстетического бытия и в средствах эстетического познания мы никогда не сможем найти «долженствования», «единственного индивидуально-исторического бытия-события», «ответственного участия в этом бытии-событии», и в целом, действительного поступка. Да его там и не может быть, поскольку, будучи, скажем так, «отвлечённым» и «непринципиальным» в силу рассмотренной выше самой специфики мира эстетического бытия, поступок, пребывая в его рамках, не может обрести для человека, его совершающего, статус абсолютно долженствующего, то есть, опять-таки, ни к чему понимающе-поступающего (*меня*) не обязывает. И это проблема в свою очередь уже мира эстетического бытия. Она заключается как раз в том, что и его суждения (даже если они будут безупречными с точки зрения эстетического вкуса), наравне с суждениями выносимыми самозаконным отвлечённо-теоретическим миром, меня - живого, бытийствующего событиями и в событиях собственной жизни - *поступающего человека*, в действительности *ни к чему не обязывают*. А, значит, не могут являться и основанием моего бытия, основанием человеческого бытия вообще и основанием философского проекта М. М. Бахтина заявленного трактатом «К философии поступка» в частности. Поступок, взятый со своей эстетической стороны, как своего рода особое «эстетическое суждение», тоже не обладает для человека абсолютным долженствованием.*

Теперь мы можем ответить на поставленный нами ранее вопрос: возможно ли пробыться в мир вечно свершающегося «единого и единственного бытия-события» (поступка) из мира эстетического бытия средствами эстетического познания? К сожалению, нет. А это, в свою очередь, означает, что на эстетику, точно также как и на науку (в традиционном её понимании), нельзя положиться в деле построения бахтинской онтологии как философии поступка.

Список литературы

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 9-69.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 421 с.

THEORETICAL AND AESTHETIC COGNITION IN M. M. BAKHTIN'S PHILOSOPHICAL PROJECT: HERMENEUTICAL SENSE EXPLICATION

Aleksei Viktorovich Krivosheev, Ph. D. in Philosophy

Department of Philosophy History and Logics
Tomsk State University
akriv@rambler.ru

M. M. Bakhtin's deed philosophy is analyzed. On the basis of the work "To Deed Philosophy" the problem of Bakhtin's search for the necessary foundation (deed necessity) for his project of the "first philosophy" in scientific and aesthetics worlds is considered. It is shown that these worlds are full of "fatal theorizing" and differ only in their subject but neither in their method, nor in their way of thinking.

Key words and phrases: deed; necessity; understanding; science; theoretical cognition; aesthetics; aesthetic cognition.

УДК 912.43:312.951/954

Изучается процесс поглощения «советской» цивилизацией культуры коренных малочисленных народов, проживающих на территории Восточной Сибири. Показано, как в условиях межкультурного взаимодействия рос культурный уровень коренного населения, но забывались многие способы ведения хозяйства.

Ключевые слова и фразы: межкультурное взаимодействие; быт; жилище; приусадебное хозяйство; малочисленные народы; Восточная Сибирь.

Вячеслав Александрович Кудашкин, к.и.н., доцент

Кафедра истории

Братский государственный университет

slava1982_@rambler.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА[©]

Положение коренных малочисленных народов всегда считалось одной из актуальных проблем, требующей своего решения в многонациональном российском государстве. В годы советской власти была сформирована